

делением функций как в самой печатной периодике, так и в других СМИ. Так, например, утренние газеты целенаправленно начали проводить стратегию на все большее включение в свое содержание материалов развлекательного характера. В еще большей степени это относилось к радио- и телевидению, которые активно переходили на цифровые технологии. К середине 1990-х гг. в Гонконге действовало 10 AM- и 13 FM-радиостанций, приобрело популярность спутниковое многопрограммное телевидение, принимающее сигнал с трех спутников системы Интелсат, распространялась доставка ТВ-продукции по пяти международным подводным кабелям, обеспечивающим связь со странами АСЕАН, делали уверенные шаги мультимедийные технологии в мобильной сотовой телефонии и Интернете [3, с. 37–38]. Все это лишило вечерние газеты Сянганского преимущества, сделав их не только «жертвами» рыночного механизма, но и изменившейся общественно-политической и технологической ситуации. Похожая ситуация сложилась в вечерней прессе Особого административного района Аомэнь (Макао) и в Тайване.

Действительно, в целом, развитие, расцвет и исчезновение вечерней прессы в Особом административном районе Сянган, точнее на ее исторической родине в Гонконге, имеет важное значение. На наш взгляд, в этом процессе действовало множество факторов. Во-первых, даже функционируя в мегаполисе, вечерняя пресса все-таки была ограничена его ресурсной базой. Население Сянганского на момент воссоединения составляло чуть больше 6 миллионов человек. Во-вторых, при своей невысокой численности население характеризовалось та-

кими социально-демографическими признаками, как обеспечение занятостью, причем в сфере технологически организованного труда, устойчивым качеством жизни и вследствие этого выше среднего информационными запросами. Наконец, в-третьих, в условиях глобализации и существенного расширения региональности после воссоединения с КНР прежняя рыночная система, которая функционировала многие годы, оказалась устаревшей и недееспособной. Это говорит о том, что принципы предпринимательской инициативы, которые сформировались при капитализме XX в. в мире средств массовой информации, в наше время кардинально меняются, которые еще предстоит освоить, в том числе и в производстве вечерней прессы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фан Ханьци*. Краткая история китайской журналистики / Фан Ханьци, Чэнь Ешао, Чжан Чжихуа. – Пекин: Цышу, 1983. – 378 с.
2. *Михайлов, С.А.* Журналистика Китая / С.А. Михайлов, Ли Динсинь, Чжан Хэфэн. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2006. – 600 с.
3. *Ху Лин*. Выход вечерней прессы под влиянием новых СМИ / Ху Лин // *Обзор прессы*. – 2007. – № 5. – С. 43–44.

SUMMARY

The author of the article focuses on newspapers in Hong Kong, their historical metamorphosis complicated ways of winning their seat in a small world of capitalism in neighborhood with huge domestic building socialism. The evening editions of the Hong Kong newspaper market during the transitional period of 80-90 s. after which the special administrative region finally became a part of China are particularly interesting and instructive.

Поступила в редакцию 12.09.2011 г.

УДК 821.161.1

С.А. Мусаева, соискатель кафедры русской литературы и методики ее преподавания Бакинского славянского университета

ПОВЕСТЬ Л.Н. ТОЛСТОГО «ХАДЖИ-МУРАТ»: ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ

Русская литература 1890-х гг. выдвинула принципиально иные требования в области идей, метода, жанра, стиля, и это нашло свое отражение в творчестве Л.Н. Толстого. Великий реалист на протяжении всей своей жизни (как во второй половине XIX в., так и в завершающий период творчества) ставил перед собой многочисленные вопросы. Некоторым наиболее общим принципам

и критериям оценок Л.Н. Толстой остался верен и в последней своей повести «Хаджи-Мурат».

Трансформация тематики произведений последних лет Л.Н. Толстого потребовала и коренного изменения художественной формы. Писатель осознавал, что эта форма должна быть в большей степени доступной и понятной: «Эта новая художественная форма есть духов-

ное самовыражение человека, философская сущность его» [1, с. 229]. В свете сказанного мы проследим эволюционный путь последней повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

По мнению Л.Н. Толстого, человек вмещает в себя много разных качеств: «Люди как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем непохож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою» [2, т. 32, с. 194].

В этих суждениях высказана, в сущности, очень важная часть творческого кредо Л.Н. Толстого. Писатель убежден в том, что натуре человека присуща способность к духовным переменам. Отрицая принципиальную и всеобщую замкнутость характеров, он подчеркивал то обстоятельство, что, изменяясь, человек часто оказывается непохожим на себя прежнего и одновременно сохраняет свою цельность. 29 марта 1898 г. Л.Н. Толстой писал: «Как бы хорошо написать художественное произведение, в котором ясно высказать текучесть человека, то, что он один и тот же, то злодей, то ангел, то мудрец, то идиот, то силач, то бесильнейшее существо» [2, т. 53, с. 187].

Таков, по замыслу Л.Н. Толстого, герой одноименной повести Хаджи-Мурат.

По нашему убеждению, объект порывов Хаджи-Мурата непрестанно меняется. Однако как только одно чувство завладевает его душой, то все существо героя, словно востропнувшись, оживает, и в нем возникает неумная жажда нового действия. Страсть становится одержимостью, и разрядить ее может только ответное активное действие. Хаджи-Мурат опутан этой цепью: страсть – страдание – действие. Он не обретает покоя даже тогда, когда, казалось бы, многие его враги в финале повести уже повержены. Поэтому он и сражается, как полевой репей, до последнего вздоха, мужественно встречая смерть.

К созданию такого сложного, неординарного и противоречивого образа Л.Н. Толстой шел на протяжении долгого времени. Известно, что эта последняя повесть писателя выдержала десять редакций. «Насчитывается 23 начала повести, 10 редакций, 25 раз он работал или, как говорил, “бился” над главой о Николае I, сохранилось 2152 черновые страницы повести, тогда как в окончательном своем виде она занимает 250 писанных страниц» [3, с. 7–8].

Что же касается предыстории «Хаджи-Мурата», то эта повесть была написана под

непосредственным авторским впечатлением от увиденного куста репья во время прогулки в Пирогове. Сведения об этом нашли отражение в повести в форме пролога. В. Лакшин в работе «Завещание Льва Толстого» писал: «Рассказ о репье – как радуга над входом в повесть: тут сошлись все основные цвета, все главные мотивы, которые не раз потом отзовутся в действии, – и восхищение вольной красотой природы, и боль от жестокости цивилизаторской миссии человека, и прославление силы сопротивления, силы жизни, неизменно и вопреки всему торжествующей на земле» [4, с. 10], «у входа в собственное здание, Л.Н. Толстой как бы нарочно разбросал несколько камней – материал, из которых оно было нерушимо сдвинуто» [5, с. 7]. Писатель подробно описывает куст репья, показывает, как человек уничтожил огромное количество растений и цветов, но этот куст отстоял себя в упорной борьбе с человеком. Обо всем этом Л.Н. Толстой и записал в дневнике от 19 июля 1896 г.

Л.Н. Толстой в течение многих лет собирал сведения о главном герое повести. Впервые он услышал о Хаджи-Мурате в двадцатитрехлетнем возрасте, когда в 1851 г. служил на Кавказе. В том же году в газетах «Кавказ» и «Исторический вестник» периодически появлялись сведения об этом легендарном человеке. В газете «Кавказ» (1851 год, 15 ноября и 11 декабря) рассказывалось о раздоре между Шамилем и Хаджи-Муратом и о переходе последнего на сторону русских. В своих дневниках и письмах Л.Н. Толстой открыто заявлял, что ему «стыдно» заниматься писанием «кавказской истории» [2, т. 73, с. 273]. В других черновых заметках Л.Н. Толстой также фиксировал, что у него по существу «нет охоты и уверенности» для написания новой повести [2, т. 53, с. 172], что это у него под рукою «самая неинтересная... вещь» [2, т. 73, с. 220], «баловство и глупость» [2, т. 73, с. 262], «пустяки» [2, т. 74, с. 78], что «эта повесть не стоит того труда, который для него полагают добрые люди» [2, т. 74, с. 87].

Об этом писали и многие исследователи. Так, А.Б. Гольденвейзер в одной из своих работ отмечал, что в дневниковой записи от 18 июня 1903 г. писатель откровенно называл главного героя своего будущего творения человеком недалеким, даже «глупым», а в личной беседе с ним в августе 1903 г. именовал свою повесть «дрянью» [6, с. 136].

Вместе с тем в дневниках и письмах Л.Н. Толстой признавался, что ему, напротив, «очень хочется» писать свою новую повесть [2, т. 53, с. 160], что она в буквальном смысле

слова «преследует» его [2, т. 84, с. 302], что он не в состоянии от нее «отстать» [2, т. 84, с. 303] и т. д. Более того, по сообщению П.И. Бирюкова, в августе 1896 года в Шамардине был сделан первый набросок будущего произведения, и Л.Н. Толстой далее продолжал работу с живейшим интересом. П.И. Бирюков отмечает: «...совсем сконфузившись, шепотом, чтобы никто не слышал, приблизившись ко мне и вместе с тем с заблестевшими глазами... сказал: я писал "Хаджи-Мурата". Это было сказано тем тоном... каким школьник рассказывает своему товарищу, что он съел пирожное: он вспоминает испытанное наслаждение и стыдится признаться в нем» [7, с. 123].

Великий писатель на склоне лет был полон самых противоречивых идей, то подталкивающих его к созданию повести, то отдаляющих его от работы. Однако в итоге будущее произведение, пройдя долгий и мучительный путь авторских раздумий ценою в десять редакций, было создано. Новое восточное сказание не могло не вернуть писателя к тем впечатлениям, которыми он, как хорошо известно из критической литературы, всегда дорожил. Л.Н. Толстой часто отмечал, что лучшие его воспоминания принадлежат Кавказу.

Как это нередко случалось со многими художественными творениями Л.Н. Толстого, первоначальный замысел повести «Хаджи-Мурат» в течение продолжительного времени претерпел существенные композиционные и сюжетные изменения, усложнился, по ходу обогатился новыми идеями и образами. В первых трех редакциях произведение называется «Репей», и в нем выведен не только образ Хаджи-Мурата как центрального персонажа, но также и образы начальника крепости Ивана Матвеевича и его жены Марьи Дмитриевны. Характерно, что остальные образы лишь намечены пунктирно.

По мнению А. Сергеевко, в «Репее» есть некоторые неточности. В книге «Хаджи-Мурат» Льва Толстого он отмечает: «Хаджи-Мурат приезжает в крепость к Ивану Матвеевичу в июне 1852 года, тогда как это могло произойти лишь в феврале того же года; после отъезда Хаджи-Мурата Марья Дмитриевна не видит его "до июня", но за два месяца до этого в апреле 1852 г. Хаджи-Мурат уже был убит; вождь горцев Гамзат-бек ошибочно назван Кази-Магомой и т. п.» [3, с. 21].

Начиная с четвертой редакции, Л.Н. Толстой именует свое сочинение уже не «Репей», а «Хаджи-Мурат». Повесть постепенно начинает приобретать контуры иного повествовательного масштаба, основательно видоизменяется. Писатель теперь стремится показать

не только борьбу и жизнь своего главного героя, но и жизнь горцев и эпоху в целом. Для этого он изучает историю Аварского ханства (ведь Хаджи-Мурат был из Аварии и провел там часть своей жизни). Л.Н. Толстой по мере изучения источников постепенно изменял «Репей», подвергал изменению и форму произведения.

Все ранние редакции были написаны от имени третьего лица, позднее повествование ведется от первого лица как воспоминание старого военного. Начинается произведение словами: «Я служил в одном из Кавказских полков, стоявших на левом фланге в Чечне. Я заболел лихорадкой, и полковой командир, принимающий во мне участие, прикомандировал меня к линейному батальону, стоявшему в предгории, в здоровой местности, и рекомендовал меня майору Ивану Матвеевичу Петрову» [2, т. 35, с. 396].

В ранних вариантах произведения большую роль играет не столько сам переход главного героя к русским и его гибель, сколько его предшествующая повествованию жизнь. В первых трех редакциях она освещалась Л.Н. Толстым не совсем яркими красками, а временами эпизодично. С течением времени писатель задумал целый ряд глав с последовательным изложением всей жизни Хаджи-Мурата от лица самого автора.

Таким образом, в новой редакции налицо иная постановка и пути решения проблемы личности. Л.Н. Толстой избирает цель: шаг за шагом проследить формирование и развитие личности Хаджи-Мурата. Для этого в четвертую и пятую редакции вводятся многочисленные персонажи из близкого окружения главного героя (мать, отец, дед). Л.Н. Толстой представляет нам «историю души» неординарного человека, которая была «путеводной звездой» в раскрытии основного идейно-тематического замысла всей повести.

В дальнейших редакциях нет рассуждений о хазавате, мусульманской религии, набожности Хаджи-Мурата. Рассказ о том, как Хаджи-Мурат в отрочестве проникся идеей хазавата, как он ненавидел русских – все это не попало в окончательный текст. О религиозности Хаджи-Мурата ничего в тексте не говорится, только иногда автор показывает своего героя во время молитвы: «Поглядев на звезды, на Стожары, поднявшиеся уже на половину неба, Хаджи-Мурат рассчитал, что было далеко за полночь и что давно уже была пора ночной молитвы... Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат... сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнес, обращаясь на восток, обычные молитвы» [2, т. 35, с. 23].

От набожности в первых редакциях повести Л.Н. Толстой перебрасывает мост к созданию образа фанатика-горца, который еще в ранней молодости всей душой воспринял идеи хазавата – священной борьбы с неверными. Л.Н. Толстой подводит своего героя к роковой черте неблагоприятного стечения обстоятельств, когда тот вынужден был изменить своим идейным убеждениям.

Подобный замысел требовал представить цельную и последовательную «историю души» Хаджи-Мурата. Л.Н. Толстой не был удовлетворен первоначальными редакциями повести и на продолжительное время даже отложил работу. В седьмой и восьмой редакциях автор трактует образ главного действующего лица уже не как принципиального и последовательного приверженца мюридизма, а как человека, более всего заботящегося о своей семье.

В результате многочисленных изменений, внесенных Л.Н. Толстым, перед нами возникает очень сложный, многосторонний, а потому и крайне противоречивый образ горца с могучей жизненной силой. Поразительно, как под пером Л.Н. Толстого прообраз исторического лица совместил в себе благодушие и расчет, доброту и злость, наивность и восточную хитрость, простоту и мстительность, честолюбивые эгоистические помыслы и жестокость и вместе с тем мягкую отходчивость. В заключительной десятой редакции показаны три последовательные измены хазавату с последующими горькими сокрушениями и мужественная расплата ценою своей жизни. Вот так в окончательном виде была разрешена Л.Н. Толстым проблема личности в повести, а путь Хаджи-Мурата был показан трудным и извилистым.

С 1896 по 1902 г. были написаны 23 начала в повести. В окончательной редакции первой стала глава, где была дана сцена приезда Хаджи-Мурата в аул. Л.Н. Толстой не изменил пролога, а оставил его в первоначальном виде.

Таким образом, Хаджи-Мурат – новый тип личности в творчестве Л.Н. Толстого, что продиктовало и саму художественную структуру одного из оригинальных произведений – повести «Хаджи-Мурат».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков, П.И. Художественные произведения Л.Н. Толстого как отражение его мировоззрения / П.И. Бирюков // Северные записки. – 1913. – № 8. – С. 120–126.
2. Гольденвейзер, А.Б. Вблизи Толстого / А.Б. Гольденвейзер. – М.: Гослитиздат, 1959. – 487 с.
3. Лакшин, В.Я. Завещание Льва Толстого / В.Я. Лакшин // Пять великих имен (О А.С. Пушкине, А.А. Островском, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, А.П. Чехове). – М.: Современник, 1988. – 456 с.
4. Набиев, Н.Т. Человек в мире Л.Н. Толстого / Н.Т. Набиев. – М.: Изд-во «Диалог», МГУ, 1999. – 278 с.
5. Палиевский, П. Литература и теория / П. Палиевский. – М.: Советская Россия, 1978. – 285 с.
6. Сергеенко, А. «Хаджи-Мурат» Льва Толстого / А. Сергеенко. – М.: Современник, 1983. – 239 с.
7. Толстой, Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. / Л.Н. Толстой. – М.: Худ. лит., 1928–1985.

SUMMARY

The article is devoted to the history of writing of L. Tolstoy's last story «Haji Murad», which is distinguished because of its specific form and unusual presentation of the main character. In the story Tolstoy showed how meaningful and many-sided was Haji Murad. The story experienced 10 editions. As a result, the author created such a work, which brought him world fame.

Поступила в редакцию 13.01.2012 г.